

A person wearing a dark jacket and a backpack is walking away from the viewer down a path in a forest. The scene is illuminated by a bright, low sun, creating a strong orange and yellow glow that silhouettes the person and the trees. The path is wet, reflecting the light. The overall mood is contemplative and atmospheric.

Алексей Егоров

Невидимый фронт

Алексей Егоров

Невидимый фронт

<https://litres.ru/73980799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город жил своей обычной жизнью. Утром — пробки на главных проспектах, гул трамваев, очереди в кофейнях. Днём — деловая суета, звон телефонов, шум строительных площадок. Вечером — огни витрин, смех из открытых кафе, мерцание рекламных экранов. Всё, как всегда. Всё, как должно быть.

Но под этой привычной оболочкой уже давно зрело нечто тёмное. Что то, что пряталось в переулках, за закрытыми дверьми лабораторий, в зашифрованных сообщениях и многозначительных молчаниях. Что то, готовившее удар.

Алексей Егоров

Невидимый фронт

Вступление

Город жил своей обычной жизнью. Утром — пробки на главных проспектах, гул трамваев, очереди в кофейнях. Днём — деловая суета, звон телефонов, шум строительных площадок. Вечером — огни витрин, смех из открытых кафе, мерцание рекламных экранов. Всё, как всегда. Всё, как должно быть.

Но под этой привычной оболочкой уже давно зрело нечто тёмное. Что-то, что пряталось в переулках, за закрытыми дверьми лабораторий, в зашифрованных сообщениях и многозначительных молчаниях. Что-то, готовившее удар.

Артём знал это. Он чувствовал это в каждом взгляде случайных прохожих, в каждом странном совпадении, в каждой недоговорённости. Его прошлое — годы службы, потеря близких, предательство тех, кому верил, — научило его видеть тени там, где другие видели лишь свет.

Алина же верила в другое. В то, что добро сильнее страха. Что люди способны объединиться, когда это действительно нужно. Что даже в самой густой тьме можно найти путь, если идти вместе.

Они встретились не случайно. Судьба свела их в момент, когда город уже стоял на краю пропасти, а часы отсчитывали последние мгновения спокойствия. И теперь им предстояло сделать то, что мало кому удавалось: заглянуть в сердце тьмы и не потерять себя.

Это не история о героях. Это история о людях, которые однажды решили, что не могут просто смотреть, как мир погружается во мрак. О тех, кто выбрал борьбу — не ради славы, а ради жизни. Ради тех, кто ждёт их дома. Ради будущего, которое ещё можно спасти.

И когда ночь опустилась на город, скрыв его огни и превратив улицы в лабиринты теней, Артём и Алина шагнули вперёд. Потому что знали: если не они — то, кто?

Город спал. Но не они.

«Один маршрут, две судьбы»

Лейтенант Артём Ковалёв служил в инженерно-сапёрном подразделении на южной границе. Служба была напряжённой: разминирование участков, установка заграждений, круглосуточные дежурства. В его взводе — сплошь опытные бойцы, закалённые годами службы. И вдруг — новое пополнение: младший сержант Алина Морозова.

Алина пришла по контракту после техникума. Невысокая, стройная, с пронзительно-синими глазами и упрямой чёлкой, вечно выбивавшейся из-под берета. Она не боялась гря-

зи, не ныла от усталости, чётко выполняла приказы. Но Артём заметил иное: как она улыбалась, когда сослуживцы шутили у костра; как бережно складывала карту перед докладом; как в минуты тишины тихонько напевала какую-то мелодию.

Сначала он держал дистанцию. «Не время для чувств, — твердил себе. — Здесь цена ошибки — жизнь». Но Алина невольно притягивала взгляд. Однажды на учениях она споткнулась о корягу, он инстинктивно подхватил её за локоть. Мимолётное прикосновение обожгло.

— Спасибо, товарищ лейтенант, — пробормотала она, отстраняясь. Но в глазах мелькнуло что-то тёплое.

Артём стал находить поводы для разговоров. Спрашивал о её родном городе, о книгах, которые она читала. Алина отвечала сдержанно, но постепенно раскрывалась: рассказывала, как мечтала стать архитектором, как решила пойти в армию «чтобы уметь защищать то, что построю».

Осенью их подразделение перебросили на новый участок. В промозглом окопе, где ветер свистел между брустверами, Артём наконец решился.

— Алина, я... — он запнулся, глядя на её замершие пальцы. — Возьми мои перчатки. И давай после смены поговорим.

Она кивнула, не поднимая глаз.

Под звёздным небом, вдали от постов, он сказал то, что копилось месяцами:

— Я не должен этого говорить. Но если не скажу — сойду с ума.

Алина молча взяла его руку. Её пальцы были холодными, но сердце билось так громко, что Артём услышал.

— Я тоже боялась признаться, — прошептала она. — Боялась, что это слабость.

— Это не слабость. Это... — он сжал её ладонь. — Это то, за что стоит жить.

Они не строили планов. Знали: завтра может быть бой, эвакуация, приказ о передислокации. Но в ту ночь они пообещали друг другу одно: если выживут — построят дом. Настоящий. С окнами, которые она спроектирует, и садом, который он высадит.

Утром пришёл приказ о выдвижении. Артём проверил её бронежилет, затянул ремни.

— Вернись, — сказал он, глядя в её синие глаза.

— Мы вернёмся, — поправила она. — Вместе.

И когда над полем взметнулись первые разрывы, Артём знал: теперь у него есть причина не просто выжить, а победить.

Бой был жестоким. Земля дрожала от разрывов, воздух рвали свист осколков и треск автоматной стрельбы. Артём держал позицию у полуразрушенного сарая, прикрывая отход группы. В наушниках то и дело звучали доклады: «Ранен!», «Прикрой!», «Отходим!».

Он искал её глазами — и наконец увидел. Алина ползком

перемещалась между развалинами, таща на себе бойца с перебитой ногой. Её форма была в грязи, каска сбилась набок, но движения — чёткие, расчётливые.

— Морозова, назад! — рявкнул он в рацию. — Прикрываю!

Она лишь мотнула головой: «Дотащу!» — и продолжила путь. Артём стиснул автомат, высматривая цели. Когда она добралась до укрытия, он выдохнул.

К вечеру бой стих. Они встретились у медпункта — оба грязные, с дрожащими руками, но живые. Алина прижалась к его плечу, не говоря ни слова. Он почувствовал, как её холод пробирает до костей.

— Всё, — прошептал он. — Больше ни на шаг от меня.
Она слабо улыбнулась:

— Командир, вы нарушаете устав.

— Плевать.

Ночью, когда усталость наконец сморила бойцов, они сидели у костра. Алина размотала бинт на руке — царапина от осколка. Артём осторожно обработал рану, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха.

— Знаешь, — тихо сказала она, глядя на пламя, — я раньше думала, что любовь — это что-то тихое. Парк, кофе, разговоры до утра. А тут...

— А тут она громче взрывов, — перебил он. — И крепче брони.

Она положила голову ему на плечо. В темноте мерцали звёзды — такие же далёкие и неуязвимые, как их мечта о доме.

На следующее утро пришёл приказ: передислокация на 50 км севернее. Перед отъездом Артём достал из кармана сложенный вдвое листок — чертёж.

— Это наш дом, — сказал он, разворачивая бумагу. — Я набросал, пока ты спала. Три окна на восток, веранда, сад...

Алина провела пальцем по линиям.

— Здесь будет яблоня, — прошептала она. — Та, что я видела в детстве у бабушки.

— Значит, найдём саженец.

Они свернули чертёж, спрятали его в герметичный пакет и закопали у старого колодца — на удачу.

В пути колонна попала под обстрел. Артём успел оттолкнуть Алину в окоп, но сам не успел укрыться. Оглушительный взрыв — и мир погрузился во тьму.

Очнулся он в медсанбате. Голова раскалывалась, в ушах стоял звон. Первое, что он увидел, — её глаза. Алина сидела у койки, не выпуская его руку.

— Ты жив, — сказала она просто. — А дом мы построим. Даже если придётся ждать десять лет.

Он сжал её пальцы. За окном шумел дождь, а где-то далеко, за линией фронта, ждала их не нарисованная веранда и яблоня, которой ещё только предстояло вырасти.

После ранения Артём провёл в медсанбате три недели. Каждый день Алина приходила к нему — приносила бульон в термосе, читала вслух потрёпанный сборник стихов, рассказывала смешные случаи из службы. Её присутствие стало для него тем самым «светлым пятном», о котором говорят раненые: пока она рядом, боль отступала, а будущее казалось не таким туманным.

Однажды вечером, когда за окном шелестел октябрьский дождь, она села на край койки и тихо сказала:

— Знаешь, я тут подумала... Если нас, когда-нибудь отпустят домой — давай сразу поедем в тот городок, где ты вырос. Покажу тебе свой любимый парк. Там осенью клены как огонь.

Артём улыбнулся, сжимая её ладонь:

— А я покажу тебе речку, где в детстве ловил рыбу. И старую беседку — отец её строил. Мы её восстановим. Будет наша «летняя гостиная».

Алина рассмеялась:

— Ты уже всё распланировал!

— Иначе нельзя. Иначе зачем выживать?

Через месяц их подразделение перевели на тыловой рубеж. Бои стали реже, но напряжение не спадало: каждый знал — передышка временная. Артём и Алина старались исполь-

зовать каждую свободную минуту. Однажды после дежурства они ушли в рощу неподалёку от расположения. Листья шуршали под ногами, воздух пах дымом и прелой листвой.

— Смотри, — Алина подняла с земли кленовый лист, багряный, с золотистыми прожилками. — Как будто кто-то раскрасил его кистью.

Он взял лист, осторожно провёл пальцем по краю:

— Похоже на карту. Вот здесь — река, здесь — наш дом...

Она прижалась к его плечу:

— Давай загадаем: если доживём до следующей осени, соберём сотню таких листьев. И сделаем альбом.

— Договорились.

Но судьба распорядилась иначе.

В ноябре пришёл приказ: срочная переброска на юго-западный участок. Накануне отъезда Артём и Алина снова стояли у старого колодца, где был зарыт их «чертёж дома». Он достал пакет, стёр с него грязь.

— Возьмём с собой. На удачу.

Она кивнула, пряча глаза. Оба понимали: впереди — самое тяжёлое.

Бой начался на рассвете. Артиллерийский обстрел смешал землю с небом, пыль забивала лёгкие. Артём командовал группой, прикрывавшей отход раненых. Алина была рядом — перевязывала бойцов, тащила аптечки, передавала приказы.

В какой-то момент он потерял её из виду.

— Морозова! — крикнул он в рацию. — Ответь!

Тишина.

Он бросился искать её, пробираясь между воронками. Нашёл за полуразрушенной стеной: она прижимала к груди раненого связиста, её форма была в крови.

— Жива? — выдохнул он, падая рядом.

— Да... ему хуже, — прошептала она. — Нужно уводить.

Вместе они дотасовали бойца до укрытия. Когда опасность миновала, Артём снял каску, посмотрел на неё:

— Больше не теряйся. Никогда.

Она улыбнулась — устало, но твёрдо:

— Не буду. Мы ещё соберём те листья.

После боя они сидели у костра, грязные, измученные, но живые. Алина достала из кармана тот самый кленовый лист, что нашла в роще. Он уже поблёл, но всё ещё хранил золотые прожилки.

— Сохранила, — сказала она. — Первый лист нашего альбома.

Артём обнял её, глядя на звёзды:

— Значит, дом будет. Обязательно.

И в ту ночь, под далёкие раскаты артиллерии, они снова пообещали друг другу: выжить. Чтобы однажды вернуться в тот мир, где есть парк с клёнами, речка с рыбацкой беседкой и дом — с тремя окнами на восток и верандой, где будет цвести их яблоня.

После того боя наступило недолгое затишье. Командова-

ние отвело подразделение на второй рубеж — приводить в порядок технику, пополнять запасы, давать бойцам передышку. Для Артёма и Алины эти дни стали редкой возможностью побыть вдвоём хоть немного дольше, чем между приказами и дежурствами.

Однажды вечером, когда над лагерем разлилась непривычная тишина, они ушли за линию окопов — туда, где рос невысокий кустарник и можно было не бояться случайных осколков. Артём достал из нагрудного кармана тот самый кленовый лист, уже хрупкий и поблёкший, но всё ещё хранящий золотые прожилки.

— Сохранил, — сказал он, осторожно разглаживая его на ладони. — Первый лист нашего альбома.

Алина улыбнулась, коснулась его пальцев:

— Нужно найти ещё. Хотя бы десять. На удачу.

Он кивнул, глядя на закатное небо:

— Найдём. А потом соберём сотню. И сделаем альбом. Как и обещали.

Через неделю пришло распоряжение: подразделение перебрасывали на новый участок, вглубь территории. Перед отъездом Артём и Алина снова пришли к старому колодцу, где был зарыт их чертёж дома. Он достал пакет, стёр с него пыль, развернул бумагу. Линии на ней чуть размазались от влаги, но план был узнаваем: три окна на восток, веранда, сад.

— Возьмём с собой, — тихо сказал Артём. — Теперь ни-

куда его не спрячем.

Она кивнула, пряча глаза. Оба понимали: впереди — неизвестность.

Новый участок оказался сложнее. Местность — холмистая, изрытая оврагами, с редкими рощами, которые больше мешали, чем укрывали. Бои шли почти ежедневно, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Артём и Алина почти не расставались: она была при его группе, перевязывала раненых, передавала сообщения, он прикрывал её, следил, чтобы она не отрывалась от укрытия.

Однажды ночью, когда вокруг царила редкая тишина, они сидели у костра, завернувшись в одну плащ-палатку. Алина прижалась к его плечу, глядя на искры, улетающие в темноту.

— Знаешь, — прошептала она, — я всё думаю о том доме. Как мы его построим. Как посадим яблоню. Как будем пить чай на веранде...

Он обнял её крепче:

— Всё будет. Обязательно. Мы выживем.

Она молчала, но он почувствовал, как дрожат её плечи.

— Алинка, — он повернул её лицо к себе, — посмотри на меня. Мы выживем. Я тебе обещаю.

Она глубоко вздохнула, улыбнулась сквозь слёзы:

— Я верю. Просто... страшно. Иногда.

— Мне тоже. Но мы вместе. А значит — справимся.

На рассвете начался обстрел. Артёму приказали вести

группу на левый фланг — прикрывать отход основных сил. Алина должна была оставаться в тылу, но, как только он ушёл, схватила аптечку и бросилась следом.

В пылу боя она потеряла его из виду. Вокруг рвались снаряды, земля дрожала, дым застилал глаза. Она ползла между воронками, выкрикивая его имя, пока наконец не увидела: он лежал за обломком стены, его форма была в крови.

— Артём! — она бросилась к нему, упала рядом, дрожащими руками проверяя пульс.

Он приоткрыл глаза:

— Ты... зачем?.. — прошептал он.

— Молчи, — она уже разворачивала бинты, обрабатывала рану на плече. — Сейчас... сейчас...

Он сжал её пальцы:

— Живой. Всё хорошо.

Она всхлипнула, но тут же взяла себя в руки, затянула повязку:

— Держись. Сейчас вытащу тебя.

Вместе они добрались до укрытия. Когда опасность миновала, Артём прижал её к себе, чувствуя, как бьётся её сердце — быстро, испуганно, но неукротимо.

— Больше не рискуй так, — прошептал он. — Я не переживу, если с тобой что-то случится.

— А я — если с тобой, — ответила она. — Мы же обещали. Дом. Яблоня. Чай на веранде.

Он улыбнулся:

— Значит, будем жить.

Спустя месяц бои утихли. Подразделение отвели на отдых. В тихой деревушке, где пахло сеном и печным дымом, Артём и Алина наконец смогли выдохнуть. Они сидели на крыльце старого дома, смотрели, как садится солнце, и молчали — просто держались за руки.

— Смотри, — Алина указала на небо, где загорались первые звёзды. — Как тогда, у медпункта. Помнишь?

Он кивнул:

— Помню. И буду помнить всегда.

Она положила голову ему на плечо:

— Мы выжили.

— Выжили, — повторил он. — И построим дом.

Они сидели так долго, пока ночь не окутала землю, а в окнах домов не замерцали огни. Где-то вдали слышался смех, лай собак, тихий разговор — жизнь, простая и мирная, к которой они так стремились.

И в тот момент Артём понял: даже если впереди ещё будут бои, даже если путь до дома окажется долгим — они пройдут его вместе. Потому что любовь, рождённая в огне, не погаснет никогда.

После отдыха в деревушке подразделение снова бросили на передовую. Но теперь Артём и Алина держались ещё крепче: каждый миг, проведённый вместе, казался драгоценным. Они научились читать мысли друг друга по взгляду, угадывать настроение по едва заметному движению губ.

В один из редких тихих вечеров, когда над позициями повисла непривычная тишина, они сидели у костра. Алина перебирала страницы потрёпанного блокнота — в нём хранились наброски их будущего дома, сделанные в перерывах между боями.

— Смотри, — она развернула лист, — я добавила веранду. Вот здесь, с южной стороны. Чтобы солнце грело по утрам.

Артём внимательно разглядывал линии, представляя, как это будет выглядеть в реальности.

— А здесь, — он указал на пустое место у стены, — посадим ту самую яблоню. Ты помнишь?

Она улыбнулась:

— Помню. И ещё сирень. Чтобы весной весь двор был в цветах.

Он накрыл её руку своей:

— Всё будет. Обязательно.

Через месяц пришло долгожданное известие: подразделение отводили в тыл на переформирование. Командование объявило, что после двух лет непрерывных боёв личному составу предоставят длительные отпуска.

В ночь перед отъездом Артём и Алина снова пришли к старому колодцу. Он достал из-под земли герметичный пакет, бережно развернул чертёж. Линии чуть поблекли, но план был узнаваем: три окна на восток, веранда, сад.

— Возьмём с собой, — сказал он. — Теперь он поедет

домой.

Она кивнула, сжимая его руку:

— Домой... Как же долго мы этого ждали.

Дорога казалась бесконечной. Эшелон трясло на стыках, в вагонах было душно, но ни Артём, ни Алина не замечали неудобств. Они говорили — без остановки, взахлёб, словно боялись не успеть сказать самое важное. О детстве, о мечтах, о том, каким будет их дом, их жизнь после войны.

— Я хочу, чтобы в гостиной был большой камин, — говорила Алина, прижимаясь к его плечу. — Зимой будем сидеть у огня, читать книги...

— И чай с яблочным вареньем, — добавлял Артём. — Ты же научишься его варить?

— Научусь. Для тебя — всему научусь.

Наконец поезд прибыл в их родной город. Воздух пах весной, в парках распускались первые листья, люди улыбались — война отступала, оставляя в прошлом страх и боль.

Они сняли небольшую квартиру в старом доме с высокими потолками и большими окнами. В первый же вечер, распаковав вещи, Артём достал чертёж дома.

— Начнём? — спросил он, глядя на Алину.

Она кивнула. В её глазах светилась та самая надежда, которая вела их сквозь огонь и смерть.

Следующие месяцы они работали не покладая рук. Артём устроился в строительную бригаду, Алина — в архитектурное бюро. По вечерам они сидели за столом, изучали сметы,

выбирали материалы, рисовали новые эскизы.

Однажды, вернувшись домой после тяжёлого дня, Артём нашёл на столе свежий набросок. Алина изобразила их дом — уже не схематично, а подробно: с резными наличниками, арочными окнами, увитой виноградом террасой.

— Это он? — спросил Артём, проводя пальцем по линиям.

— Он, — улыбнулась она. — Наш дом.

Весной следующего года они наконец купили участок — небольшой, но солнечный, с видом на лес. В день, когда оформили документы, Артём и Алина стояли на своей земле, держась за руки, и смотрели, как закатное солнце окрашивает траву в золотой цвет.

— Здесь будет наш дом, — тихо сказала Алина.

— И наша жизнь, — добавил Артём. — Настоящая.

Он обнял её, чувствуя, как бьётся её сердце — ровно, спокойно, уверенно. Где-то вдалеке щебетали птицы, ветер шелестел молодой листвой, а в воздухе пахло землёй, надеждой и будущим.

Через год на участке стоял фундамент. Артём и Алина сами укладывали первые камни, смеясь, когда пальцы пачкались в цементе.

— Представляешь, — говорил Артём, вытирая пот со лба, — через пару лет здесь будет наша веранда. И яблоня.

— И сирень, — добавила Алина. — Я уже купила саженцы.

Они смотрели на начатую стройку, и в их глазах отражалось то самое будущее, за которое они боролись.

Прошло ещё два года. Дом был готов. Не роскошный, но тёплый, светлый, наполненный любовью. В гостиной горел камин, на кухне пахло выпечкой, а за окном цвела яблоня, посаженная в день закладки фундамента.

В один из вечеров, сидя на веранде, Алина положила голову на плечо Артёма.

— Мы сделали это, — прошептала она.

Он сжал её руку:

— Мы всегда знали, что сможем.

Над лесом поднималась луна, освещающая их дом мягким светом. Где-то вдали слышался смех детей, лай собак, тихий разговор соседей — обычная мирная жизнь, которую они отстояли.

И в тот момент Артём и Алина поняли: всё, что было до этого — бои, разлуки, страх — осталось позади. Теперь у них было главное: дом, любовь и будущее, которое они построили своими руками.

Прошло несколько безмятежных лет. Артём и Алина обживали свой дом: высаживали цветы, развешивали на веранде фонари, наполняли комнаты книгами и фотографиями. По утрам они пили кофе на террасе, слушая пение птиц; по вечерам — читали у камина, иногда вспоминая прошлое, но чаще говоря о будущем.

Однажды осенним утром Артём получил повестку. Он

стоял у почтового ящика, сжимая в руках бланк, и не мог произнести ни слова. Алина, выйдя на крыльцо с чашкой чая, сразу заметила его лицо.

— Что случилось? — спросила она, подходя ближе.

Он протянул ей бумагу. В глазах Алины мелькнул страх, но она тут же взяла себя в руки.

— Это... мобилизация? — тихо произнесла она.

— Да. Требуют явиться в часть через трое суток.

В тот день они не говорили о войне. Вместо этого посадили ещё несколько кустов сирени вдоль дорожки к дому, починили калитку, переставили мебель в гостиной. Делали всё, чтобы оттянуть момент, когда придётся произнести вслух то, что висело между ними тяжёлой тенью.

Вечером, сидя у камина, Алина наконец заговорила:

— Я поеду с тобой. В часть. Покажешь мне, где будешь служить. Хочу знать, куда писать письма, куда приезжать...

Артём сжал её руку:

— Не надо. Остайся здесь. Сохраняй наш дом. Это важнее.

— Но как я смогу...

— Ты сможешь. Ты сильнее, чем думаешь. А я буду знать, что здесь — мой дом, моя женщина, моя жизнь. Это будет держать меня в бою.

Перед отъездом они снова пришли на свой участок — уже не как строители, а как хозяйева, оберегающие то, что создали. Алина сорвала ветку яблони, засушила её в книге.

— Возьми с собой, — сказала она. — Чтобы помнил, за чем возвращаться.

Артём спрятал ветку в нагрудный карман:

— Я вернусь. Обещаю.

На вокзале она не плакала. Только крепко обняла его, прошептала:

— Живи. Для нас.

Он кивнул, не в силах говорить. Состав тронулся, а она всё стояла на перроне, пока последний вагон не скрылся за поворотом.

Первые месяцы были мучительными. Письма шли с задержками, телефоны работали через раз. Алина жила в постоянном ожидании: проверяла почту по три раза в день, прислушивалась к звонкам, каждую ночь молилась перед сном.

Но постепенно она нашла силы. Устроилась в местную больницу медсестрой, начала помогать семьям мобилизованных. По вечерам писала Артёму длинные письма — о погоде, о цветах в саду, о соседских детях, которые иногда забегали поиграть у их калитки.

В одном из писем она написала:

«Сегодня посадила лаванду у крыльца. Ты говорил, что её запах успокаивает. Теперь наш дом будет пахнуть тобой, даже когда ты далеко. Возвращайся скорее. Мы ждём».

Через полгода Артёму дали короткий отпуск. Он приехал ночью — без предупреждения, просто постучал в дверь.

Алина открыла, не веря глазам, а потом бросилась к нему, цепляясь за его форму, как за последнюю нить, связывающую её с реальностью.

Они не спали до рассвета. Говорили, смеялись, плакали, снова говорили. Артём рассказывал о товарищах, о трудных днях, о том, как перечитывал её письма перед каждым выходом. Алина показывала ему новые клумбы, отремонтированную крышу, альбом с фотографиями их дома в разные сезоны.

Утром, лёжа в постели, он сказал:

— Знаешь, что меня спасало? Мысль о том, что где-то есть место, куда я могу вернуться. Где меня ждут. Где пахнет лавандой и яблонями. Где ты.

Она прижалась к нему:

— Это и есть дом. И пока он есть — мы живы.

Отпуск закончился. Артём уехал, но теперь Алина знала: их связь сильнее расстояния. Она продолжала работать, ухаживать за садом, писать письма. Иногда, стоя у калитки, она представляла, как однажды увидит его фигуру на дороге — и тогда бросится навстречу, не сдерживая слёз.

Через год мобилизация завершилась. Когда он вернулся окончательно, они стояли на пороге своего дома, держась за руки. На веранде цвела лаванда, в саду шелестели яблони, а в окнах горел тёплый свет.

— Мы сделали это, — прошептал Артём, обнимая её.

— Мы всегда знали, что сможем, — ответила Алина.

И в тот момент, под шелест листьев и далёкий лай собак, они поняли: их дом — не просто стены и крыша. Это место, где любовь пережила войну, где каждый камень пропитан надеждой, а каждый цветок — памятью о тех днях, когда они боролись за право быть вместе.

После возвращения Артём долго не мог привыкнуть к тишине. Просыпался по ночам от воображаемых взрывов, вслушивался в темноту, машинально проверял, где лежит телефон. Алина не будила его, не задавала вопросов — просто обнимала, шептала: «Ты дома. Всё хорошо», — и он постепенно успокаивался, чувствуя тепло её рук.

Первые недели они почти не расставались. Вместе готовили завтраки, гуляли по лесу, чинили забор, который покосился за время его отсутствия. Однажды Артём остановился у яблони, посаженной в день закладки фундамента, провёл рукой по коре.

— Она выросла, — тихо сказал он. — Как и мы.

Алина прижалась к его плечу:

— Мы стали крепче. И дом наш — тоже.

Постепенно жизнь входила в привычное русло. Артём устроился прорабом в строительную фирму: опыт, приобретённый на службе, оказался востребован. Алина продолжала работать в больнице, но теперь чаще брала смены днём, чтобы вечером быть дома.

По выходным они приглашали соседей — семью с двумя детьми, которые недавно переехали в соседний дом. За ча-

ем с яблочным вареньем рассказывали о планах: расширить теплицу, построить беседку, посадить ещё несколько кустов сирени.

— Вы так уютно живёте, — сказала однажды соседка, оглядывая веранду, украшенную фонариками. — Сразу видно — дом, в который вкладывали душу.

Артём и Алина переглянулись. В их глазах мелькнуло то, что не нужно было объяснять: *да, это наш дом, наша крепость, наше чудо.*

Через полгода Артём начал замечать, что ночные пробуждения случаются реже. Он больше не вздрагивал от резких звуков, не искал глазами укрытия. Однажды утром он проснулся от солнечного света, льющегося сквозь занавески, и понял: тишина больше не пугает. Она стала родной.

— Что такое? — спросила Алина, видя его улыбку.

— Я... спокоен, — ответил он. — Впервые за долгое время.

Она поцеловала его в висок:

— Это и есть мир.

Осенью они устроили праздник — «день второго рождения дома». Пригласили друзей, тех, кто поддерживал Алину во время его отсутствия: соседей, коллег из больницы, старых товарищей Артёма. На веранде поставили стол, украшенный осенними листьями и свечами.

— Этот дом пережил многое, — сказал Артём, поднимая бокал. — И мы вместе с ним. Сегодня я хочу сказать спасибо

всем, кто был рядом. Кто верил, что мы справимся.

Алина взяла его за руку:

— И ещё — спасибо, что мы здесь. Вместе.

Гости аплодировали, смеялись, поднимали бокалы. В воздухе пахло печёными яблоками, корицей и теплом. Где-то вдали играла музыка, дети бегали по саду, а на веранде, среди огня и осенних листьев, стояли двое — мужчина и женщина, — которые знали цену этому мгновению.

Спустя год Алина проснулась среди ночи. Прислушалась: Артём спал спокойно, его дыхание было ровным. Она осторожно выбралась из постели, подошла к окну. За стеклом — их сад, их дом, их мир.

На столе лежал альбом с фотографиями: их свадьба, первые дни в новом доме, письма, засушенные листья, ветка яблони, которую Артём взял с собой на фронт. Алина открыла его, провела пальцем по снимкам.

— Мы сделали это, — прошептала она. — Мы выжили. Мы построили жизнь.

Утром Артём нашёл её там же — сидящей у окна с альбомом на коленях. Он обнял её, заглянул в глаза:

— О чём думаешь?

— О том, что дальше. О детях, о лете, о том, как будем встречать старость в этом доме.

Он улыбнулся:

— Значит, планы есть. А раз есть планы — есть и будущее.

Прошло ещё несколько лет. В саду появилась новая яблони-

ня — её посадили в честь первого ребёнка. На веранде теперь стоял детский столик с красками, а по утрам дом наполнялся смехом.

Однажды вечером, когда малыши уснули, Артём и Алина сидели на крыльце, держась за руки. Над горизонтом медленно опускалось солнце, окрашивая окна их дома в золотой цвет.

— Помнишь, как мы мечтали об этом? — спросил Артём.

— Помню, — ответила Алина. — И знаешь что? Всё получилось даже лучше, чем мы думали.

Он кивнул, глядя на их сад, на дом, на звёзды, которые уже зажигались над крышей.

— Потому что мы строили его вместе. Каждый камень, каждое дерево, каждый день.

И в тот момент, под шелест листьев и далёкий лай собаки, они поняли: война осталась позади. Впереди — только жизнь. Их жизнь.

Спустя полтора года после возвращения Артём прочно встал на ноги: работа в строительной фирме давала стабильный доход, дом наполнялся жизнью и смехом, а ночные кошмары почти перестали тревожить. Но однажды утром он получил письмо из военного комиссариата.

Алина заметила, как изменилось его лицо, когда он вскрыл конверт.

— Что там? — спросила она, ставя на стол чашку чая.

Артём молча протянул ей бумагу. В официальном доку-

менте сообщалось, что на основании служебной характеристики и рекомендаций командования ему предлагается новое звание — капитан — и должность командира роты в инженерно-сапёрном подразделении.

В тот же день они сели за стол, разложили перед собой бумаги, перечитали условия. Алина внимательно следила за выражением лица Артёма.

— Ты хочешь принять предложение? — тихо спросила она.

Он задумался. Проводил пальцем по строчкам, словно пытаясь прочесть между ними что-то ещё.

— Это... ответственно, — наконец произнёс он. — Но я знаю, что смогу. И, наверное, должен. Там ребята, которым нужны опыт и поддержка.

Она кивнула, не отводя взгляда:

— Значит, так и решим. Я буду рядом.

Через месяц Артём принял присягу в новом звании. В зале собрались сослуживцы, командиры, несколько близких друзей. Алина стояла в заднем ряду, сжимая в руках платок, и гордилась им так, как никогда прежде. Когда он подошёл к ней после церемонии, в его глазах светилось что-то новое — уверенность, спокойствие, осознание своей миссии.

— Ну что, командир, — улыбнулась она, — готов вести роту?

— Готов, — ответил он. — Потому что знаю: меня ждут дома.

Первые недели на новой должности оказались непростыми. Артём вникал в документацию, знакомился с личным составом, выстраивал распорядок. Он старался быть не просто начальником — наставником. Вспоминал, как сам когда-то нуждался в поддержке, и теперь отдавал это другим.

Однажды вечером, вернувшись домой уставшим, он сел на веранде, закрыл глаза. Алина принесла чай, села рядом.

— Тяжело? — спросила она.

— Нет. Скорее... важно. Понимаешь, я вижу в этих ребятах себя. И хочу, чтобы у них всё было — дом, семья, мирная жизнь. Как у нас.

Она положила голову ему на плечо:

— Ты делаешь правильное дело.

Со временем рота стала для Артёма второй семьёй. Он проводил занятия по разминированию, учил бойцов принимать решения в стрессовых ситуациях, следил, чтобы каждый знал: его жизнь — ценность. На совещаниях он говорил прямо:

— Моя задача — не просто выполнить приказ. Моя задача — вернуть каждого из вас домой. К тем, кто ждёт.

Солдаты уважали его за честность, за то, что он не прятался за званиями, а делил с ними трудности. Командование отмечало: в подразделении вырос уровень дисциплины и боеготовности.

Однажды осенью, когда листья уже золотились на деревьях, Артём вернулся домой раньше обычного. В руках он

держал конверт.

— Что это? — спросила Алина, видя его улыбку.

— Благодарность от командования. И... предложение возглавить учебный центр. Готовить инструкторов.

Она обняла его:

— Ты заслужил.

— Не я, — покачал он головой. — Мы. Потому что ты всегда была моей опорой.

Спустя год Артём стоял на плацу учебного центра, наблюдая, как курсанты отрабатывают навыки. В кармане у него лежал сложенный листок — тот самый чертёж их дома, который они закопали когда-то у колодца. Теперь он хранил его как талисман: напоминание о том, ради чего стоит жить и работать.

Вечером он вернулся домой. Алина ждала его на веранде, с чаем и тёплым пледом.

— Как день? — спросила она, обнимая его.

— Хорошо. Сегодня один из курсантов сказал: «Спасибо, что учите нас не просто воевать, а возвращаться домой».

Она улыбнулась:

— Это и есть твоя миссия.

Они сидели молча, слушая, как в саду шелестят листья, а в доме смеются дети. Где-то вдали гудел поезд, везя людей к их семьям, к их домам. И Артём знал: он делает всё правильно. Потому что его собственный дом — здесь. С ней. И потому что каждый солдат, который вернётся к своему дому, — это

ещё одна победа. Их общая победа.

«Тренировки под началом капитана Артёма Ковалёва»

С назначением на должность командира роты и получением звания капитана Артём подошёл к обязанностям с особой ответственностью. Он чётко понимал: от качества подготовки бойцов зависит не только успех операций, но и их жизни.

Артём разработал **трёхэтапную программу** подготовки, где каждый этап наращивал сложность и приближал условия к реальным:

1 Теоретический блок (1 неделя):

- изучение типов мин и взрывных устройств (отечественных и вероятного противника);
- разбор тактики минирования и контрмер;
- правила работы с миноискателями (ИМП-3, УМП-3), щупами, зеркалами;
- алгоритмы оказания первой помощи при ранениях и травмах.

2 Практический блок на учебном полигоне (3 недели):

- отработка движений «по шаблону» (шаг, поворот, наклон при поиске);
- работа в защитном снаряжении (ОВР-2, бронежилеты, каски);

- имитация разминирования учебных мин (без взрывчатки);
- тренировка взаимодействия в паре (один ищет — второй прикрывает).

3 Тактико-специальные учения (2 недели):

- ночные тренировки с ограничением видимости;
- работа под «огнём условного противника» (холостые выстрелы, шумовые имитаторы);
- эвакуация «раненых» с заминированной территории;
- форсирование водной преграды с инженерным обеспечением.

Ключевые элементы тренировок

1. Отработка «шага сапёра»

Артём требовал от бойцов:

- ставить ногу плавно, без рывков;
- проверять почву щупом перед каждым шагом;
- двигаться «змейкой», не наступая на следы товарища.

— Один неверный шаг — и всё, — повторял он. — Ваша задача — вернуться домой. А для этого надо думать на три метра вперёд.

2. Работа с миноискателем

Бойцы учились:

- настраивать прибор в зависимости от типа грунта;
- различать сигналы (металл, камень, мусор);

- держать датчик на строго заданной высоте.

Артём лично проверял каждого:

— Если слышишь «писк» — не дёргайся. Остановись, обозначь место флажком, доложи. Паника убивает.

3. Эвакуация и взаимопомощь

На учениях разыгрывали сценарии:

- боец наступил на мину-ловушку;
- ранение от осколка при подрыве;
- потеря сознания из-за шока.

Артём учил:

- использовать «кошку» для оттаскивания раненого;
- накладывать жгут под огнём;
- подавать сигналы дымовыми палочками.

4. Ночные тренировки

В темноте бойцы:

- работали с приборами ночного видения;
- ориентировались по звёздам и компасу;
- подавали сигналы жестами и световыми маркерами.

— Ночью страх сильнее, — говорил Артём. — Но и враг боится. Используйте это.

Артём уделял внимание не только технике, но и **морально-волевой подготовке**:

- проводил беседы о важности самоконтроля;

- учил дыхательным техникам для снятия стресса;
- разбирал ошибки без унижений — только факты и выводы.

Однажды после сложного учения он собрал роту у костра:
— *Вы все молодцы. Но запомните: лучший сапёр — не тот, кто «чувствует» мины. А тот, кто не рискует зря. Ваша жизнь — не расходный материал. Вы — люди, у которых есть семьи, мечты. И я сделаю всё, чтобы вы вернулись к ним.*

Через три месяца тренировок рота:

- сократила время разминирования участка на 40 %;
- добилась нулевого уровня потерь на учениях;
- получила благодарность от командования за слаженность действий.

На итоговых испытаниях Артём наблюдал, как его бойцы:

- уверенно работают в парах;
- чётко докладывают о находках;
- эвакуируют «раненых» без паники.

Когда последний курсант сдал зачёт, Артём пожал ему руку:

— *Теперь вы — команда. И пока вы держитесь друг за друга, вы выживете. Помните: ваша главная задача — вернуться домой.*

Вечером он вернулся в свой дом. Алина встретила его на веранде, как всегда — с чаем и улыбкой.

— *Ты выглядишь уставшим, но довольным,* — заметила

она.

Артём сел, достал из кармана сложенный чертёж их дома (тот самый, что когда-то закопали у колодца) и положил на стол.

— Они готовы, — сказал он. — Я в них верю. Как верил в нас.

Алина накрыла его руку своей:

— Значит, ты сделал своё дело. А теперь — отдыхай. Дом ждёт.

И в тот момент, под шелест листьев и далёкий лай собак, Артём понял: его миссия — не только учить воевать. Но и учить возвращаться.

Ранним туманным утром рота получила приказ: провести разведку и разминирование участка вдоль старой лесовозной дороги. По данным разведки, противник мог установить мины-ловушки и растяжки при отходе. Командир подразделения лично поставил задачу Артёму:

— Ваша цель — обеспечить проход для колонны снабжения. Время — до заката. Действуйте осторожно.

Артём собрал бойцов, ещё раз проговорив ключевые правила:

— Помним три «не»: не торопимся, не игнорируем признаки, не теряем связь. Работаем парами, докладываем каждые пять минут. И... возвращаемся все.

Группа выдвинулась в 06:30. Туман скрадывал очертания, превращая каждый куст в потенциальную угрозу. Артём шёл

первым, проверяя почву щупом. За ним — сержант Лыков и рядовой Карпов, прикрывающие фланги.

На 15-й минуте пути Карпов замер:

— Командир, след обуви. Свежий.

Артём присел, изучил отпечаток:

— Да, вчерашний. Возможно, сапёры противника. Будьте внимательнее.

Через 200 метров Лыков подал сигнал:

— Предмет. Похоже на растяжку.

Все замерли. Артём медленно приблизился. Между двумя деревьями — тонкая проволока, у земли — замаскированный корпус гранаты.

— *Вот и первое «привет»,* — мысленно отметил он. — *Как учил: «видишь проволоку — не трогай, обозначь, доложи».*

Он жестом приказал Лыкову установить флажок, передал по рации:

— «Орёл», это «Гранит-1». Растяжка на высоте 30 см, направление север-юг. Требуется сапёр-взрывотехник.

Пока ждали подкрепление, Артём напомнил бойцам:

— Никогда не пытайтесь снять растяжку самостоятельно. Даже если кажется, что всё просто. Одна ошибка — и нет ни вас, ни тех, кто рядом.

После обезвреживания растяжки группа двинулась дальше. На подходе к пересохшему руслу Артём остановил отряд:

— Смотрите на грунт. Здесь могли поставить «прыгающую» мину.

Карпов, следуя инструкции, начал сканирование миноискателем. Через минуту прибор запищал.

— Металл на глубине 20 см.

Артём опустился на колени, аккуратно снял верхний слой дёрна. Под ним — корпус ПМН-2, замаскированный листьями.

— *Как в учебнике,* — подумал он. — *Именно поэтому мы тренировались часами: чтобы рука знала, что делать, пока голова оценивает обстановку.*

Он жестом показал Карпову:

— Щуп. Медленно.

Тот подал инструмент. Артём осторожно поддел мину, проверил крепление.

— Без сюрпризов. Но всё равно: не трогаем. Обозначаем и ждём.

К вечеру туман сгустился, видимость упала до 10 метров. Поступил приказ: завершить разминирование до темноты. Артём разделил группу:

- звено «А» (Лыков) — продолжает поиск на основной трассе;
- звено «Б» (Карпов) — обследует обочину;
- сам Артём — контролирует связь и координирует.

В 19:40 Карпов доложил:

— Визуальный контакт с предметом. Коробка, провода,

возможно — самодельное взрывное устройство.

Артём мгновенно оказался рядом. Перед ними — деревянный ящик, к которому тянулись медные провода.

— *Типичная ловушка, — вспомнил он лекции. — Не трогать, не дёргать, не пытаться понять схему. Только вызвать специалистов.*

Он приказал Карпову отойти на 50 метров, передал координаты в штаб. Через 15 минут прибыл сапёрный расчёт с роботом-манипулятором. Устройство аккуратно извлекло ящик.

В 22:10 рота вышла на контрольную точку. Все бойцы — целы, задача выполнена: 7 мин и 3 растяжки обезврежены, путь для колонны свободен.

На базе Артём собрал личный состав:

— Сегодня вы доказали, что умеете работать головой, а не только руками. Кто вспомнил мои слова про «не трогаем, обозначаем, докладываем»? Карпов, это твой момент. Ты не полез разбираться с СВУ — и спас всех.

Бойцы переглянулись. В их глазах читалась усталость, но и гордость.

— А теперь — спать, — продолжил Артём. — Завтра разбор полётов, но уже без адреналина. Главное — вы вернулись. Как я и обещал.

В полночь он переступил порог своего дома. Алина, не спящая, встретила его на крыльце.

— Всё хорошо? — спросила она, всматриваясь в его лицо.

Он кивнул, обнял её, вдохнул запах лаванды от её волос.

— Все живы. Благодаря тому, чему я их учил. И благодаря тому, что ты ждёшь меня здесь.

Она провела рукой по его плечу, чувствуя, как напряжение покидает его тело.

— Ты сделал своё дело. Теперь отдыхай.

Они вошли в дом. На столе лежал тот самый чертёж их дома — потрёпанный, с пометками, но всё ещё живой. Артём посмотрел на него, потом на Алину.

— Знаешь, — сказал он тихо, — когда я вижу этот лист, я понимаю: всё, что мы делаем, имеет смысл. Потому что есть куда возвращаться.

Алина улыбнулась, зажигая лампу:

— Именно. И завтра будет новый день. Для нас. Для них. Для всех.

И в тот момент, под отдалённый лай собак и шелест дождя по крыше, Артём знал: он не просто командир. Он — хранитель жизни. И пока он помнит, чему учил своих бойцов, они будут возвращаться домой.

На следующее утро Артём собрал роту в учебном классе. На стене — схема пройденного маршрута, фотографии обнаруженных устройств, отметки ключевых точек. Бойцы сидели молча, ещё переживая ночной опыт.

— Вчера вы прошли боевое крещение, — начал Артём, глядя каждому в глаза. — И прошли достойно. Но сейчас — не похвала. Разбор. Чтобы завтра было легче.

Он указал на схему:

— Первый эпизод: растяжка между деревьями. Кто заметил?

— Рядовой Карпов, — отозвался тот.

— Правильно. Почему не полез снимать?

— Потому что вы учили: «видишь проволоку — не трогай, обозначь, доложи».

Артём кивнул:

— Именно. Это не просто слова. Это формула выживания. Запомните: **любое подозрительное устройство — не ваша задача**. Ваша задача — обнаружить и обозначить. Всё остальное — работа специалистов.

На экране появилась фотография мины ПМН-2, найденной у русла:

— Здесь Карпов действовал по инструкции: сканирование, фиксация, доклад. Но посмотрите на грунт. Кто видит проблему?

Сержант Лыков поднял руку:

— Следы от щупа. Мы слишком глубоко вошли в почву.

— Верно, — подтвердил Артём. — В боевой обстановке это могло спровоцировать взрыв. Урок: **щуп — инструмент точности**. Не давите, не ковыряйте. Лёгкое касание, оценка сигнала. Всё.

Далее — кадр с самодельным взрывным устройством (СВУ):

— Карпов, почему отошёл на 50 метров?

— Вы говорили: «если не уверен в типе устройства — отходи на безопасное расстояние. Жди сапёров».

— Отлично. Это и есть **правило трёх «О»**:

1 Обнаружил — обозначь.

2 Отступи — не рискуй.

3 Отдохни — сохраняй силы для следующего этапа.

Артём сменил тон:

— Теперь — о главном. Кто чувствовал страх?

Все молчали. Потом один из бойцов неуверенно поднял руку. За ним — ещё двое.

— Страх — это нормально, — сказал Артём. — Он спасает. Но паника убивает. Как боролись с ней?

— Я вспоминал ваши слова: «дыши ровно, думай трезво», — ответил Карпов.

— Хорошо. Запомните: **страх — сигнал, а не приговор**. Когда сердце колотится — это тело говорит: «Будь внимателен». Используйте это. Переведите страх в концентрацию.

Он подошёл к окну, где за стеклом виднелся их тренировочный полигон:

— Всё, чему я вас учил — не ради парадов. Это кирпичи, из которых строится ваша жизнь. Каждый шаг, каждое правило — это ещё один шанс вернуться домой. К тем, кто ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.